Владимир Зуев
vlzuev@mail.ru

БЕЗЕ ХЗ

вечер женской поэзии

Небольшое кафе, библиотека, книжный магазин, сцена клуба, актовый зал — любое общественное пространство.

Тамара — женщина за 50, в «богатом» платье — сидит на стуле, разглядывает зрителей. На сцене журнальный столик, на нем фужер с шампанским, свеча в фонаре.

Тамара берет телефон, отвечает на звонок.

Да, Сева… Ты где? Почему начинать без тебя?.. Хорошо. Давай быстрее.

Тамара откладывает телефон, пьет залпом из фужера, улыбается.

Друзья мои, я уже начну. Чувствую, пора. У нас сегодня творческий вечер на двоих с моим другом, он сейчас подъедет. А я уже начинаю! Доброго времени суток. И да, я не оговорилась сейчас. Время оно относительно, как говорил Эйнштейн. И я с ним абсолютно согласна… У каждого из нас сейчас свое время суток, потому что мы все личности. И не просто личности, а личности творческие. Я знаю, что многих раздражает, когда в начале сообщения или письма ты пишешь: «Доброго времени суток!». Но это его проблемы — того, кого раздражает! Я же понятия не имею, когда человек прочитает мое сообщение, если, вообще, прочитает. Вот простой пример про относительность. Если ложишься в пять, стихи не дают уснуть. Нам не дано понять, о чём так томится грудь… *(Записывает в телефон.)* Простите, мне нужно это записать. Да, когда легла в пять, а встала в час, то для меня сейчас день. Поэтому, уважая индивидуальность и режим дня личности, я пишу «доброго времени суток». И это мое право! Кому не нравится, это не моя проблема. Поэтому — доброго времени суток, друзья мои!

Меня зовут Тамара, творческий псевдоним Безе. Тома Безе. Безе — с французского «поцелуй». Я сама для себя решила, что я как воздушный поцелуй. Тамара Воздушный Поцелуй, Тома Безе. Безе — оно же воздушное, как поэзия. И поэзия — это тоже поцелуй! Вообще, всё творчество — поцелуй небесный! Кто-то тебя сверху поцеловал — и всё, ты уже отмечен! Понятия не имею, как это работает, но работает! Я знаю массу примеров, и простите за нескромность — я сама пример! И раз так получилось, что меня поцеловали свыше, то я сама должна одарить мир своими поцелуями! Поэтому Тамара Воздушный Поцелуй, поэтому Тома Безе.

Я очень-очень рада, что вы нашли время и зашли ко мне на огонек, в мою творческую гостиную. И да, вы все — мои друзья, даже если мы не знакомы лично. Сегодня вы мои гости, а значит, мои друзья. Я не приглашаю домой знакомых, для знакомых есть кафе, столовая, улица. А дом — для друзей. И я должна хорошенечко угостить вас, и я угощу. Но мои блюда не для тела, а для вашей души.

Сегодня очень важный день для меня — презентация моей первой книги поэзии «Безе ХЗ» и годовщина моего развода. В книге собраны избранные стихотворения за два года. Я очень волнуюсь, поэтому пригублю… *(Пьёт шампанское.)* Вы, наверное, думаете: что такое «ХЗ»?! Нет, это не общепринятая расшифровка «хрен знает», всё

гораздо-гораздо глубже… Но мы до этого обязательно дойдем, всё по порядку… Я уже много наболтала, пора прочесть вам… Стихи… *(Пауза.)* То, что я вам прочитаю сейчас, это моя визитка, короткое стихотворение, которое я размещаю в разделе «О себе» в «Одноклассниках» и «Вконтакте». Визитка. Стихи… *(Пауза.)* Эту импортную соцсеть я не люблю, там все корчат из себя самых умных. Понятия не имею почему, но они даже не читают друг друга. Все такие из себя, просто тупо листают и даже не лайкают. Там даже такой фишки нет — посмотреть, сколько тебя посмотрели. Просто друг друга отмечают, кто в друзьях, и умных изображают из себя. Даже с днем рождения поздравляют не в личном сообщении, а в ленте… Чтобы все видели: смотрите — я поздравил. Напоказ всё. Ну, да бог с ними. Стихи…

Признаюсь вам, друзья,
я очень плодовита.
Пишу стихи, их небо
спускает на меня.
Я только проводница —
звук справа или слева —
не важно, если слышишь
звук звёздного огня.

Простите, если обидела кого-то из этой заграничной сети. Наверное, я не понимаю, как это всё там у них работает. Я прекрасно чувствую себя в своем болотце. Какое-никакое, но мое, и я его буду хвалить. У меня 5000 человек в друзьях «Вконтакте». Вчера ночью было 4999, но потом у меня появился пятитысячный друг. Я обожаю круглые ровные числа! Когда было 4552 друга, пришлось 2 человека убрать, чтобы было красивое число — 4550. Жаль, что я не успела его отследить — своего «пятитысячника», хотела отправить ему свою книгу поэзии в благодарность за дружбу. Нужно быть благодарными… «Осень жизни, как и осень года, надо благодарно принимать…» Гениально! Просто и гениально — нужно быть благодарными. *(Пьет шампанское.)* Сейчас у меня 5002 друга, если быть точной. Еще не успела двоих убрать или добавить троих. Да, лучше добавить: 5005 — это зеркальность, это красиво!

Какое игривое шампанское… Мой неизвестный друг, подаривший мне шампанское и цветы, спасибо тебе! Я благодарна, это приятно и очень-очень кстати… Простите, я волнуюсь… Я не спала всю ночь, готовилась к нашей встрече. Это у меня впервые… Как перед свадьбой… Тоже всю ночь не спала… Думала: вдруг увижу его, испугаюсь и чего-нибудь такое отчебучу со страха. Но обошлось! Хотя, как сказать. Может, и надо было отчебучить. Выпить залпом шампанского и сбежать, или ещё что-нибудь такое… Кто знает, как лучше…

Так вот, ночью человек добавился в друзья, а утром удалился — 4999 друзей! Что с ним произошло?! Почему он так поступил? Я думала, пока ехала на работу в садик. Может, что-то случилось с ним или он не понял моё творчество?! Стих-посвящение моему пятитысячнику! Написала утром… С расстройства… А потом, представляете, сегодня сразу 3 человека подали заявку в друзья, а я как раз выходила из автобуса. Так и не выяснила, кто он, мой пятитысячный друг. Стихи…

Мой пятитысячник! Мой друг!
Друзья — лекарство от разлук!
Друзья даются неспроста,
хоть мысль понятна и проста.
Но гложет мысль меня: «Зачем
мы в рамках повседневных схем
друзей находим невзначай?
Не пригласивши их на чай,
теряем в суете сует...»
Был ночью друг, а утром нет.
И что случилось, что стряслось?
Не так в тебе отозвалось
то знание, что я несу?
Отвлекся ты на колбасу?
Тебя забрал полночный жор?
Он ловок, жаден и хитер,
он по ночам друзей крадет!
Вернись, я ночи напролет
о жизни для друзей пишу...
Мой пятитысячник, прошу,
найдись и будь со мной всегда.
Да-да, да-да, да-да, да-да...

Простите, дописывала на ходу. Последняя строчка получилась странная. Но я подумала, если она такая получилась, то это не просто так. Вы послушайте: «Да-да, да-да, да-да, да-да». Слышите?! Повторить? «Да-да, да-да, да-да, да-да». Да-да-да — это поезд! Поезд! Человек просто уехал! Как бы мне сейчас хотелось ехать куда-нибудь в поезде... Романтика! Новые лица, новые истории, новые звуки, новые краски, запахи...

Знаете, если бы я могла, собрала их всех сегодня... Но вы же понимаете, что это совсем другой масштаб. Но я обязательно соберу всех своих друзей вместе. Потом, а сегодня со мной самые-самые близкие. Напрашивается продолжение «и родные», но дети, к сожалению, не смогли быть сегодня, работают. И это нормально, сама была молодой, неслась куда-то. Надо было остановиться, вокруг столько всего, что просится на бумагу, в столбик, в рифму, в книгу, в вечность... Мама дома посмотрит мой вечер в записи... Мама, я передаю тебе привет. *(Машет рукой.)* Вот там стоит камера, которая всё запишет для памяти, она занесет нас в вечность. Если у вас возникнет желание потом пересмотреть наш вечер, он будет доступен в записи. Но запись — это не то. Понятия не имею, как это работает, но это вот совсем не то... Нет глаз, нет этой бешеной энергии, которой мы с вами обмениваемся здесь и сейчас. Вы же понимаете...

С минуты на минуту должен приехать мой друг, творческий брат, абсолютно потрясающий автор-исполнитель своих собственных песен — Всеволод Соловьев. Это он предложил мне устроить творческий вечерок на двоих. Он же выступил издателем моей первой книги. Он сам всё сделал, я только оплатила тираж. И да, я признаюсь вам: иногда считаю его гением. Его творчество, голос его, попадает мне прямо сюда, в душу, в сердце. И это не просто красивые слова, он физически в меня попадает... Понятия

не имею, как это работает, но я слушаю его и плачу, реву — не могу остановиться. Всеволод должен привезти тираж моей книги, которую получит каждый из вас, друзья мои. Вы заплатили не за вход, а за книгу. Мы же понимаем, что книга материальна и ее печать стоит денег, а творчество бесценно. Поэтому вы заплатили не за мое творчество, а за его материализацию в виде книжки. Кстати, вы будете, на минуточку, счастливыми обладателями первого эксклюзивного тиража моей книги. Тираж был рассчитан исключительно на вас, мои друзья, мои сегодняшние гости. Я решила, что должно быть так, чтобы вы почувствовали себя избранными.

Еще Всеволод любезно согласился при своей занятости спеть несколько песен на мои стихи. Так что вы увидите наш творческий тандем, наш творческий союз, наш творческий брак. Знаю-знаю, «хорошее дело браком не назовут»! Но я не про ячейку общества, я про творческое единение. Люди в нашей жизни не появляются случайно — это факт. Я, наверное, ждала Всеволода всю жизнь. У меня нет братьев и сестер, поэтому он — мой творческий брат! И да, наберитесь терпения, вас ждет что-то потрясающее и волшебное. Волшебное, потому что творчество — это же волшебство. Это магический какой-то акт, это алхимия. Возникновение чего-то из ничего, из воздуха, из жизни, из сора. Конечно, из сора! Даже Маяковский заметил: «Когда б вы знали, из какого сора...» Волнуюсь, простите... *(Пьёт шампанское.)*

Я пишу всего два года. Первое стихотворение пришло ко мне в тот день... Как сейчас помню... Я стояла на улице и не понимала, как дальше жить... Прошлое было за спиной, а что впереди? Я обернулась: за спиной стоял муж, он улыбался. Знаете, так как-то он улыбался... Как-то неестественно радостно! Муж был уже бывшим, а улыбка была самая настоящая, такая скотская улыбка. Прямо хотелось ударить его, а потом еще и еще, но я не ударила. Я пошла в ближайшее кафе и заказала себе стакан чего-то крепкого. И знаете, меня это спасло. Не понимаю, как это работает... Но мне стало легче сначала, внутри всё обожгло! Я прямо хотела кричать, так мне почему-то больно было. Но ничего... Выпила еще, вышла на улицу, увидела цветочный киоск, купила себе три георгины и пошла по улице. И тут в голове начали крутиться строчки. Сейчас я озвучу вам их... Прямо так нестерпимо крутились, что мне стало дурно... Сейчас вы всё поймете... Прямо так меня всё раздражало, что хотелось разбить какую-нибудь витрину... Вот эти строчки... Потом я увидела в ларьке сувенирные тарелки, купила и бросила на асфальт со всей дури...

Скотина, скотина, скотина...
Лицо твое невозмутимо,
твоя протокольная рожа,
на задницу мопса похожа.

Я понимаю, что это просто от злости... Что это не стихи вовсе — так, частушки какие-то. Но это было так сильно, что я прямо захохотала в голос. Шла по улице и хохотала! Мне так легко стало, я шла и повторяла эту дурь про «задницу мопса» и «рожу». Супер как мне было! Было и было... Да и бог с ним! А потом возникло продолжение.

Я знаю, что ты не отдашь
диван, телевизор, гараж,

корзину, картину, картонку.
Гляжу на тебя, собачонку.
И вижу, что бывшая рожа
на задницу мопса похожа.

Мы прожили бок о бок тридцать лет, вырастили двух прекрасных детей. Ну, как вырастили, я на работе и с детьми, муж на работе и в командировках. Потом я на работе и в саду, муж — на работе, в командировках и на бардовские фестивалях. Купил себе штормовку, палатку, гитару и поехал. Говорит: «Тома, я понял, что мы очень скучно живём! Нас убивает быт, Тома! И вот, пока он не убил нас окончательно, я должен ехать...» И поехал, скотина!

И как-то он там прижился, на фестивалях этих! Не знаю, может, там все такие! Он не автор, нет... Это я автор! Он — исполнитель. Вообще, он инженер по образованию. А по сути — урод! Чего вдруг его понесло в степь эту?! Чужие песенки перепевать! Ну да, когда мы познакомились, приятно было, что мой и на гитаре поет еще. Потом только пыль с нее стирал по субботам, и то, когда я заставляла. И тут на тебе — поехал! «Милая моя, солнышко лесное...» Массовик-затейник! Я, дура, поздно поняла, что туда еще и одинокие дамы ездят! Авторки и, ясень пень, исполнительницы! Такое они там, думаю, исполняли! И мой инженер туда явно не «за запахом тайги» поехал. Конечно, лес, костёр, портвейн, гитары, одинокие дамы и мой инженер-исполнитель. Столько он, похоже, всякого за эти годы наисполнял... Ладно, дело прошлое... Но вот тут... Вот здесь зрела обида... Какая-то детская... Когда взрослые тебя обманули, ну, ты понимаешь, что обманули, и доказательств никаких не надо. А они себя ведут так, что будто бы ничего не произошло. И ты чувствуешь себя дурой, хотя понимаешь, что всё наоборот! И так жалко себя, и вот тут какой-то комок шевелится, и ничего с ним сделать не можешь. У меня есть целый цикл стихов, посвященный этим «бардовским» переживаниям. Называется «О кострах, комарах и не только».

О кострах, комарах и не только,
милый мой инженер, расскажи.
Пусть не всё, только малую толику,
чтобы не было места для лжи.
Ты не думай, я знаю, я знаю,
я же чувствую, я же жена.
К комарам я тебя отпускаю
и, как кошка, сижу у окна.
О кострах и не только подробнее
говори, говори, говори.
А не то мое чувство огромное
прогорит, прогорит, прогорит.
Мы с тобой друг для друга ли созданы?
Нет! Прощай. Но мне нужно сказать:
на четыре отпущен ты стороны,
твою мать, твою мать, твою мать!

Это было наше общее решение, мы осознали, что больше не можем друг другу ничего дать. Я понятия не имею, как это работает, но так же, как влюбляешься моментально, так же в секунду понимаешь, что тебя больше ничего не связывает с этим человечком… Бац и всё, и он уже бывший. Как так получается? А потом начинается тягомотина — привычка, жалость, «куда я пойду», «можно мы поживем вместе», «мы же не чужие друг другу», «что скажем детям». Ну, вы понимаете, про что я говорю. У половины такое было… Если не разбежались сразу, значит, еще разбежитесь. Но так оно и есть, истинно вам говорю. Вы не обижайтесь, я от нервов болтаю разное. Надо, чтобы вы понимали, откуда стихи у меня берутся. Из жизни, мои хорошие, всё из жизни.

Вот они возникают в голове моей, эти слова, строчки, картинки какие-то… Вот они возникли, и мне тут же надо записать их в столбик. Если не запишу, капец! Болит голова, настроение ниже плинтусов, хочется всех вокруг порвать на флаги. А если записала, то сразу легко и радостно, как будто влюбилась! Магия какая-то, настоящая магия. И она началась в тот день, два года назад, после моего развода. Мы долгое время жили как соседи в нашей трехкомнатной квартире. И да, этот опыт был нужен, потому что случайностей не существует. Может быть, это был подготовительный этап, инкубационный период, перед тем как я смогла услышать небо. И этот инкубационный период удивительным образом совпал с нашими возможностями выплатить ипотеку.

Ипотека нам дается неспроста,
чтобы жить начать как с чистого листа,
рассчитавшись с ней и выплатив долги —
«Только ветер, только радость впереди».
Вот такое ты прекрасное далёко?
Ты с квартирой, но в квартире одиноко,
ты не молод и как будто бы калека…
Ипотека, ипотека, ипотека.

И произошло освобождение: два человека, долгое время выполнявшие свой супружеский долг и обязательства перед банком, оказались свободными. И что теперь? Что делать с этой свободой? Как ей распорядиться? Это же капец как трудно! Еще вчера было всё понятно: работа — ипотека, ипотека — работа. А тут оп, и всё! Как так-то? И как теперь? Ну, это я про себя говорю… Кто-то сразу пустился во все тяжкие! А мне пришла помощь свыше — пришли стихи.

Я рассказываю вот это вот всё, чтобы между ними не было стены, которая возникает между теми, кто в зале, и тем, кто на сцене. Мы друзья, мы на равных, мы сидим на одной кухне. Зачем нам нужна была кухня размером с маленькую хрущевку? Чтобы что там делать? Простите, мне нужно сделать звонок, уточнить, далеко ли мой творческий брат. *(Набирает номер на телефоне, слушает.)* Привет, а ты где? Я уже на пределе!.. Не поняла, где торчишь?.. Далеко?.. Жду, жду, жду… *(Откладывает телефон, пьёт шампанское.)* В пробке! Все хорошо, брат рядом. Буду пока сама вас развлекать…

Я много пишу про разные истории, которые читаю в интернете. Почти все смешные. Вот, например… На западе была история… Бабка померла… Не смешно про смерть, я понимаю, но тут смешно. Родственники на кладбище прощаются, как там у них бывает.

Как у нас, наверное. Не весело… Плачут, провожают в последний путь, все такие подавленные. Священник что-то говорит так, как у них положено. Уже окошечко собираются закрыть. У них там не крышки, как у нас, а окошечки, люки такие. И вот люк собираются закрывать… И тут бабушка-покойница в гробике садится такая. Все в шоке, ясное дело… Кто в обморок, кто бежать. А бабка вывалилась из гроба и побежала… И не куда-то там, а к дороге. Ну, не понимает человек. Очнулся в момент собственных похорон! Шок, ясное дело. Вот она и бежит. И на дорогу. А там машина. Бац! И сбили бабулю. В этот раз уже напрочь. И да, вроде бы совсем не смешно, но если подключить фантазию, то получаются стихи… На минуточку, стихи везде. Всё вокруг — это стихи. Надо просто услышать!

Не спеши, а то успеешь,
не спеши — не насмешишь.
Голова подвластна шее,
голова без шеи — шиш.
Шея — это наша чуйка,
голова — рассудок наш.
И он шепчет: «Обоснуй-ка,
слышишь!». Чисто Уралмаш!
Чуйка наша словно птица,
ей лететь бы и лететь.
А она в плену томится —
мозг ее засунул в клеть!
Отпусти ее, ты сможешь
победить рассудок свой.
Он с такой довольной рожей
наблюдает за тобой.
Не подставь щеку другую,
дай ему по роже, брат.
Отвечаю, обосную…
С чуйкой будешь счастлив, рад —
утру, вечеру и ночи,
дню, июлю, январю.
В общем, думай сам, короче,
разум — зло, я говорю!

Вообще, это не про то стихотворение. Это про другое! Нам нужно чувства слушать, интуицию, чуйку. Мы же всегда чувствуем, что надо, а что вообще не надо. Я же чувствовала, что не нужно было с этой скотиной в колхозе гулять! Прямо чувствовала, что не надо… Это я про мужа. Нагуляли, блин! Ипотеку и двоих детей! А ведь были же другие, с кем прямо надо было гулять, я прямо чувствовала, что надо! Но вот это вот, которое всё всегда знает и умнее всех, почему-то выбрало скотину! И да, вывод: слушаем сердцем! В жопу мозг!

Вот тогда на этой долбанной картошке… Мы жили в заброшенной школе, спали на голых сетках и укрывались матрацами — романтика. Я к чему, там со мной случилась одна история… Видимо, поэтому мозг решил проигнорировать чуйку и принял решение

в пользу скотины. И да, я была еще привлекательнее, чем сейчас, и вокруг меня всегда было много мужчин. На меня положил глаз один селянин, водитель. Он нас возил на поле. И вот как-то он залил шары больше, чем обычно, и ночью приперся к нам в школу. Я проснулась оттого, что на меня что-то льется, мокро мне. И пахнет неприятно… И сквозь это журчание, кто-то что-то бормочет. Открываю глаза, а надо мной стоит селянин и льет на меня… Понимаете? Поливает меня из бутылки самогоном… Тут я начала кричать. Ну, как кричать… Я внутри кричала, как мне казалось, а на самом деле чего-то шептала. Девки испугались или, правда, спали… Короче, молчали девки. А парни в соседнем классе спали. Вот на мой шепот пришла моя скотина. Пришел, что-то попытался промямлить селянину, получил в глаз и убежал за подмогой. А селянин достал спички и стал меня поджигать. Понятия не имею, зачем он хотел провести со мной этот обряд, но было страшно! Очень меня спасло, что он был сильно пьяный и спички гореть не хотели… Прибежали парни, скрутили его и выбросили из школы. И вот тогда скотина сидел всю ночь со мной, в ногах, охранял как бы меня. И мне думалось, что это мой рыцарь, мой спаситель и защитник. Спас меня от сожжения. Это так мило, думала я тогда… Дура!

Наутро пришла жена селянина с трехлитровой банкой молока и шаньгами с картошкой. За ней прятался побитый селянин и мычал, что его «бес попутал». Оказывается, я ему так понравилась, что он решил меня сжечь. Но он ничего не помнил — это жена так истолковала его пьяную логику. Это, кстати, не наши парни его избили, а она. Вот такая сильная страсть! Вот что я делаю с мужчинами! Понятия не имею, как это работает, но я ничего специального для этого не делаю, само получается! И да, я стала дружить со своим ныне бывшим, а тогда еще будущим мужем. И это всё мне мозг подгадил… Так что завязывайте слушать мозг, отключайте его, и всё наладится! Проверено на себе.

Ты, как рыцарь, сидел в ногах,
свой и мой отгоняя страх.
Ты, как рыцарь, всю ночь не спал,
ты Есенина мне читал…
Мы вдвоем, и вокруг поля,
и картошка, и тополя,
и романтика, и рассвет…
И еще ипотеки нет,
нет детей и измен твоих.
Есть Есенина грустный стих:
«Низкий дом без меня ссутулился».
Что, скотина, докараулился?
Досиделся в ногах, козёл?
Да пошёл ты! Пошёл! Пошёл!

Простите за мой французский… Столько всего накопилось за это время! Вот теперь и выплескивается. Открылся краник, канал! Резьбу сорвало! Прорвало́! И да, я имею на это право! Не знаю, как это работает, но я тут прослушала один семинар в интернете, там очень грамотно всё по полочкам раскладывали. Ничего не надо в себе копить — надо выплескивать. Иначе можно так забить каналы, краники эти, что будет

как с бабулей импортной, очнешься в гробу и бежать, а за углом уже твоя машина ждет. Выплескивайте, не копите! Я уже почти выплеснула. Отпустила его. Но вот что меня не отпускает! Он же не просто ушел в никуда. Если бы в никуда, то плевать! Как говорится, помер Максим, да и хрен с ним. Но он же куда ушел! И не просто куда, а к жене своего брата! Понимаете, какая Санта-Барбара! Та мужа год назад похоронила… Вдовушка! Утешить, видно, решил! Угробила своего мужика… И какой мужик был — золото! И видный, и рукастый, и башковитый. И еду готовил, и в доме всё сам мог, и по заграницам ее возил. А она всё морду воротила: не ее, мол, уровня, из простых! Она-то, понятно, интеллигенция! Ума нет, иди в пед! Учитель начальных классов! Чего там учить?! Их дома учат в детском саду, а потом этому же самому в школе! Не жирно? Люся ее зовут. Вообще, Люся — не дура выпить. И скотина бывшая — не дурак. Думаю, по этому делу они и утешили друг друга. Только вот у меня есть подозрение, что они давно уже утешали друг друга. А это уже, как сами понимаете, совсем другой уровень наглости! Это что надо иметь в голове, чтобы уйти от меня к вдове своего брата?! *(Берет телефон.)* Простите, мне нужно ответить. *(Говорит по телефону.)* Ты далеко? *(Пауза.)* А что случилось? *(Пауза.)* Какая овца? В какую жопу? Кто въехал, Сева?! Так-то мы тут ждем! У меня люди тут ждут, я нас двоих пообещала. *(Пауза.)* Я понимаю, что ты занят сейчас, но реши как-то… Хотя бы книги отправь… Не знаю как, на такси отправь… *(Пауза.)* Хорошо, жду.

Тома пьет шампанское залпом.

Простите, дорогие мои. Всё хорошо, не переживайте. Книги будут скоро. А Сева, похоже, прилип там… Какая-то неумелая автоледи въехала в него сзади. О женщина, вы въехали в мой зад… Почти романс, только «зад» — не очень как-то. Про что я говорила… Да, скотина и вдова брата… Неприятно мне было, когда я узнала всю эту историю. А поступила я следующим образом: я посидела в кафе, собралась с духом, открыла все внутренние краники, чтобы не копить в себе злость. Вызвала такси и поехала в их семейное гнездышко. Дальше было «кино и немцы»! Они такие сидели, как пионеры, на безопасном расстоянии, а я исполняла. Да, могу себе позволить, они же исполнили уже. Почему мне нельзя?! Вот я оторвалась, мои дорогие. Я была не я. Как будто в меня вселился кто-то! Такая я была, врагу не пожелаю. Но выпустила пар и отпустила их. Они так офигели от моего выступления, что покинули свою территорию. Ушли, сбежали! А я выпила виски и стала веселиться! Включила музыку на полную катушку, ведрами таскала воду, залила им супружеское ложе, диван и кресла. Потом побила посуду, еще выпила и поехала на такси домой. Такой меня хороший таксист вез, прямо мужчина-мечта! Алексей, Алеша! Он так и представился, когда я с размазанными глазами упала в такси. Я же ревела, рыдала прямо. Так мне гадко было от всего этого. И тут Алеша. Такой он классный. Надежный, как его «Логан», жилистый такой. Простой, настоящий мужчина. Он сразу все понял, спросил, куда меня везти, я машинально махнула рукой, и мы тронулись. Он привез меня в кафе на набережной. Открыл дверь, подал мне руку. Мы сели за столик, Алеша заказал два шашлыка и коньяку для меня. И весь вечер сидел и слушал, как журчала злоба из моих открытых краников. И да, у нас с ним ничего не было. Не потому, что «я не такая», просто он нормальный мужчина. Понял, почувствовал своей чуйкой, что мне плохо. Не просто плохо, а жопа как плохо, и не стал этим пользоваться.

Алексей, Алексей… Нет, Алеша.
Я была как тяжелая ноша,
я была как пожарный гидрант.
Ты всё вынес, мой стойкий атлант.
Ты титан, а не просто таксист,
молчалив, синеок и плечист.
Я пошла бы в закат за тобою,
пусть ты будешь моею мечтой.
Но, увы, я тяжелая ноша,
Алексей, Алексей… Нет, Алеша.

Конечно, я всяко нафоткалась с Алешей и отправила скотине. Понятно, что им было не до этого, там нужно было лежбище сухое найти. Но, думаю, ему было не очень видеть меня, поедающую рот Алеши. На самом деле мы даже не целовались, это я так, для фоток сыграла. И да, я имела на это право, надо было освободить себя от злости, открыть все краники, чтобы всё это из меня вышло. Чтобы освободиться…

Вообще, я могла бы быть актрисой. Да, я недавно поняла, что занималась совсем не тем, не своим. Я чувствую, я чую, что способна на большее, чем составлять бухгалтерские записи в соответствии с рабочим планом и производить расчеты заработной платы, пособий и иных выплат работникам дошкольного общеобразовательного учреждения. Да, я заместитель главного бухгалтера ДОУ «Вольный ветерок». А могла бы быть актрисой. Только вот папа с мамой не разглядели во мне творческую натуру, и вот я занимаюсь не тем. Папы уже нет, но не будем о грустном. Просто давайте представим, что я актриса, что я играю роль бухгалтерши в детском саду, а на самом деле я звезда… Меня узнают на улице, фотографируются со мной, просят автограф. Я даже представляю себе такое, особенно, когда в общественных местах бываю… Вот я стою такая в пышном платье над решеткой вентиляции метро, воздух дует снизу и задирает подол моего платья, а я «не такая», я его придерживаю руками, и меня фотографируют. Все-все меня фоткают, а мне нравится, я — звезда!

Вообще, дорогие женщины, мои сестры по нашей доле, мы все звезды! Просто очень мало тех мужчин, которые видят в нас это и ценят. А мы не можем, если нас не ценят! Каждый человек, особенно женщина, заслуживает, чтобы его ценили. Нам это особенно нужно. Вот мы готовим еду, мужчины думают, что это наша обязанность. А обязанности не ценят, это само собой. А мы, на минуточку, вкладываем в еду всю нашу любовь и заботу! А они не ценят, это же просто еда! Сколько любви мы вложили в эту еду, а в стирку и глажку белья? А в разбросанные мужские носки? Это же надо сильно любить, чтобы собирать их по углам, стирать, разбирать по парам…

Скажи, скотина, ведь недаром
придумано — носки по парам
объединять?
Твою же мать!
А не рассовывать в углы,
в диваны, кресла, под столы.

Пойми, скотина, ведь недаром
носки, как люди, жаждут пары!

Вот как так они могут поступать с нами? Мы же им верим… Они же нам обещают, что больше никогда в жизни, ни под каким предлогом. И да, мы любим ушами, но это не повод нами пользоваться! Все они одинаковые, и Сева точно такой же. Он еще, когда первый раз позвонил, я сразу поняла… Всё же понятно сразу! Это им кажется, что никто не понимает! Что они таки профи, Джеймсы Бонды! А мы понимаем всё! И я сразу поняла — Сева заболел. Сорвался Сева… Ну, вы понимаете, болезнь всех творческих людей. Я не осуждаю, мне просто обидно, что он не сказал. Ну, я же не дура, сама творческий человек. И да, это такая защита от жестокости мира. Творческий человек — он же без кожи, его ранит всё! Пофигизм близких, отсутствие лайков под новым стихотворением… Какая-нибудь глупая просьба родных в тот момент, когда ты пишешь. Всё вокруг ранит. А как защищаться? Как вырваться из этого всеобщего непонимания?! Небо тебе судья, Сева! Земля круглая, еще подкатишься! Я его не осуждаю, нет. Просто сегодня так нельзя было поступать. Книги будут, не переживайте! Тома Безе в обязательном порядке оставит вам свой автограф. Надпишу каждому с пожеланиями! Давайте продолжать! Я сейчас вам прочту одно из своих лучших и любимых стихотворений. Это посвящение тем, кто считает нас графоманами. Да-да, не удивляйтесь! Есть такие люди, которые считают такую поэзию, как моя, графоманией. А нас — графоманами! И да, это, на минуточку, оскорбление! Я не графоманка. Я считаю себя пусть не поэтом, но поэтессой. Это мое личное право писать стихи, писать про то, что мне приходит свыше. Вот, слышите! Я не специально, это сейчас родилось «писать про то, что мне приходит свыше». Это поэзия.

Писать про то, что мне приходит свыше,
вот мой удел, мой дар, а может крест.
Пусть вы не слышите меня, но небо слышит…

На «крест» пока не идет рифма… Простите, я увлеклась. Я про всё забываю, когда идет поток. Это поток, это озарение. Я не подвластна себе, когда нахожусь в потоке. Я обещала стих про тех, кто называет нас, пишущих без образования и разрешения, — «графоманами». А у кого надо брать разрешение, чтобы писать? Кто их выдает и на каком основании? У Пушкина было разрешение? А у Есенина? Вот и мне небо выдало это право! А вам кто дал право оскорблять нас? Не нравится, проходите мимо — я так делаю. Пишет какой-нибудь умник какую-нибудь муть про то, что-то там понятное только ему. А если разобраться, то он сам не понимает, про что пишет, просто умничает! Я же не пишу ему: убейся об стену, это никому не интересно. Я не обзываю его «ботаником» или кем там можно его назвать… Я понимаю, что не понимаю, про что он, и иду мимо. Но они не могут пройти мимо меня, им надо написать «ой, очередной выкидыш графоманки» или что-то в этом духе, обидное и злое. Так не читайте, идите в жопу! Паситесь у себя в заграничных соцсетях. Чего вы забыли в моей Вкашечке?! Мало того, что оскорбят, так еще и комментируют тех, кто пытается их поставить на место. Тех, кто защищает мое право на творчество! Вот вам!

Я поэтесса, а не графоманка.

Я вам, высоколобые, глаголю —
моя поэзия для вас приманка,
последний шанс поиздеваться вволю.
Над тем, что мною выстрадано в слове
и свыше продиктовано не вами.
Но вы хотите крови, крови, крови,
меня ругая грубыми словами.
Ты «графоманка» — проститутка словно.
Я не позволю вам клеймить позором
себя — роженицу и мать живого слова.
Я знаю, время нас рассудит скоро…

Так что доброго времени суток, господа высоколобые! Проходите мимо! Вы не понимаете, что если я не напишу, то умру?! Убью себя тем, что не буду раздражать ваш утонченный слух! Идите в жопу! Вы мне кто, чтобы меня учить? Вы меня убиваете своими комментариями моего творчества! Вы убийцы! Я понимаю, что если я умру, потому что не буду писать, то вы обрадуетесь! Вы еще и на похоронах моих спляшете и скажете: мол, одной графоманкой меньше! «А судьи кто?», как сказал Грибоедов, между прочим, автор одной книжки! Вы не понимаете, что это как воздух. А вы мне запрещаете дышать! Вы не знаете, как я страдаю, если мне ничего не диктуют свыше… Я ненавижу себя, я пытаюсь что-то создать, у меня не выходит и наваливается ужас. Тоска такая, что хоть в петлю сейчас же… Сдохнуть проще, чем не писать. Я в такие моменты прихожу к маме и читаю ей свои старые стихи. Мама всё забывает и всегда радуется, если я читаю ей то, что уже читала раньше. Мама хвалит меня, всегда хвалит теперь, когда перестала помнить. Я обманываю ее и себя. И удивляюсь все время: как так устроена жизнь — в детстве еще не помнишь, в старости уже не помнишь. А в середине делаешь всякую ерунду — учишься в школе, институте, выходишь замуж, работаешь, выплачиваешь ипотеку, доказываешь все время что-то. А зачем? Чтобы потом забыть это?!

Вот поэтому я так ценю всю эту фигню, которую пишу. Думаете, я не понимаю, что это фигня, что это не поэзия, что это так просто, чтобы не выть от тоски и не пить запоем?! Думаете, я дура такая, что не понимаю?! А как мне жить теперь?! Что у меня есть, кроме вот этого?! Дети, которые меня стесняются?! Думают, что у мамы крыша поехала на старости лет после развода! Они не добавляются ко мне в друзья, они не читают мои стихи. Это их право, но и мое право — не принимать их право игнорировать мою боль! Это же боль, дети! Это вот тут болит и ищет выхода! И да, я даю этому выход, это мое право! Маме больно, поэтому она пишет, дети. Что у меня еще есть? ДОУ «Вольный ветерок», где меня не зовут на корпоративы, даже на 8 Марта, чтобы я не грузила их своими стихами?! Остается мама, которая не помнит… Которая учила меня, чтобы всё по-людски было — семья, работа, дача? Что у меня есть?! Это жутко, когда у человека ничего нет! Тогда он уходит… Или в себя, или из жизни! Всё просто, если кто еще не понял! Вот я и придумала себе вот эту Тому Безе, эту поэтессу… Графоманку эту! Ясно вам?! И мне не стыдно, нет! Я счастливая! И пусть у меня в друзьях 5000 таких же, как я графоманов, несчастных, одиноких людей. И пусть! Мне плевать, что вы там себе считаете!

Я счастливая! И пусть этот муж бывший знает, что я счастливая! Слышишь, я — автор! А ты — исполнитель, понял! Автор я! Я создаю! Думаешь, я не поняла, что цветы и шампанское от тебя?! Что ты у меня в друзьях под ником «Бард Бардович»?! Я знаю, что ты знаешь мою нелюбовь к брют! Меня даже само слово корежит, не говоря про вкус. Поэтому и прислал, да?! И цветы эти с жутким запахом. У меня от них дико болит голова, и мне хочется их сломать и выбросить! Все специально сделал! Я тоже специально выпила почти всю бутылку уже. Из принципа выпила, понял! И не померла! И цветы не сломала, они же не виноваты, что ты скотина! Может быть, я и пишу до сих пор, чтобы тебе доказать, что я не сломалась. Что ты не сломал меня! Ты не сломал меня, слышишь! Ты посмотри потом запись, я голосом говорю тебе: ты меня не сломал. Да пошел ты!

Вот такой у нас получается неожиданный вечер, друзья мои! Нежданчик! Зато все запомнят, как Тому Безе кинул с книгой Сева Соловей! Такое не забудешь! Хорошо маме, каждый день как новый. Глаза закрыла, утром открыла. «Привет, Тома, доброе утро!» И не помнишь, что ты поэтесса и графоманка, мать двоих детей, которые стесняются тебя и бухгалтерша-разведенка из ДОУ «Вольный ветерок». Как вот так вот не помнить?! Нет, у меня было пару раз, когда я не помнила вчера, но не больше… Кусками-то я помнила, «не такой уж горький я». Но это молодость, общежитие. Еды мало, всего остального много. Ну, вы понимаете. А вот мама не помнит… Может, у меня так же будет… И я каждый день до смерти буду писать одно и то же стихотворение. Одну и ту же боль по кругу буду пытаться переложить на бумагу. И радоваться, что написала. Буду счастливая. Или забуду, что писала, что у меня был муж и дети. Что была вся эта жизнь и счастливая буду. И умру счастливой, потому что не было ничего, потому что память меня пощадила и стерла все нафиг. Кто там нас создал, кому вопрос задать? Почему жить так страшно?! Почему так страшно, скажите?! Почему больно так? Зачем, для чего? Чтобы потом исчезнуть и всё? Пройти вот это вот все и исчезнуть навсегда? Уйти в небесный филиал «Вольного ветерка»? Чего-то устала я, да и вы тоже.

Чего делать будем? Как мне теперь быть с отсутствием книги?! Я понимаю, что некрасиво получилось. Мне, знаете, как фигово, от этого вот всего… И да, я приношу свои извинения, продолжаем наш вечер. Книга, это я приврала, книжечка, книжка-малышка. Вы напишите мне свои контакты, и я придумаю способ передать лично каждому. Вручу, так сказать! Мне хочется прочитать вам что-то такое… Личное, сокровенное… Как будто бы я вам тайну на ухо сказала и попросила никому не рассказывать.

Я не боюсь уйти, я тут уже устала.
Я радоваться жизни перестала,
и удивляться, и удивлять!
И хочется мне матом закричать:
«За что, за что, за что, за что
вокруг меня не те, вокруг не то?»
Хочу забыть, забыть, забыть, уснуть.
Не успеваю сесть передохнуть —
дурная баба, белка в колесе.
Вокруг огромный мир во всей красе,
и нету времени уже познать его.

О жизнь моя, река без берегов,
прости, что всё испортила, прости.
И нету сил куда-нибудь грести.
И радоваться жизни перестала —
я не боюсь уйти, я тут уже устала.

Вот, такое вот не очень веселое стихотворение. Но это хорошо, надо иногда посмотреть на снег, чтобы понять, что зелень больше радует глаз. Вообще, спасибо вам, мои друзья. Я только благодаря вам, этому вечеру, Севе-алкашу и книжке-малышке, поняла, что надо как-то жить дальше. Чего зарекаться, что, если не будут писаться стихи, тогда умру. Фиг его знает, что будет! Надо забывать все вечером, а утром заново придумывать. Вот я проснулась. «Доброе утро! Как тебя зовут, девочка?!» — «Тома». — «Какое у тебя красивое имя, девочка. Ты знаешь, что оно значит?!» — «Не знаю». — «Тамара — произошло от древнееврейского мужского Тамар, значение которого переводится на русский язык как «финиковая пальма» или «смоковница», в арабской трактовка — «луна», индийская версия — «специя». — «Ой, как интересно! Я буду луной!» — «Конечно, будешь, когда вырастешь!» — «Я уже взрослая, мне уже много годиков!» — «Это не важно, Тамара. Главное — как ты себя внутри ощущаешь!» — «Можно, я тогда буду еще и специей. Приправой?! Да, буду приправой и луной. Буду воздушной и пряной. А можно, мне еще кем-нибудь быть, если я захочу? Или можно только приправой и луной? Я немного побуду такой, а потом другой». — «Конечно, Тома! Главное, чтобы ты была счастлива!» — «Ой, а как это?!» — «Если бы знать, Тома! Тогда бы все-все были счастливыми и жили всегда!» — «Всегда-всегда, все-все?!» — «Да. Люди болеют и умирают, не потому что старые, а потому что им становится скучно». — «А разве бывает скучно?! Как это?!» — «Лучше тебе не знать. Живи одним днем, Тома. Смотри, какое сегодня утро! Радуйся, и все будет хорошо!»

И вот я сегодня проснулась и решила, что буду сегодня Тома Безе, буду воздушным поцелуем. Я же знаю, что я настоящая, уже не та и нет былого задора и огонька. А все же любят с огоньком… Я сама люблю с огоньком. Но где его взять, огонек этот?! Вот тут и появляется Тома Безе, которая без огонька не может даже за хлебом сходить, не то что на собственный творческий вечер. И Тома берет задок в ручки и тащит сюда, чтобы рассказать вам про то, как хочется еще пожить девочке Тамаре. Как ей хочется снова радоваться, и удивлять, и удивляться. Что ей хочется любви и, черт возьми, простого понимания. Чтобы ей сказали так на ушко: «Томка, ты молодец! Я ничего в этих стихах не понимаю, но, блин, рад, что тебе от них хорошо!» И всё, понимаете… И я бы такая уткнулась в его ладони большие и заплакала. От радости… Что не зря всё, что я не зря. Что я не напрасно тут, что я — это я. И всё. Просто я — это я, и этого хватит. Другой такой не было и не будет. Я не заняла чье-то место, я была на своем… Я собой была, и меня любили за это. Только за это, что я — это я, не за то, что я мать хорошая, или жена, или дочь. А за то, что я такая есть. Ну, разве я много прошу?! Разве это много? Ну, чего вы молчите?! Мама, всё просто, я — это я, и ничего больше. Ты же меня любишь, мама?! И ты, папа, меня любишь… И дети меня любят просто так, потому что это я. Всё очень просто… *(Наливает шампанское.)*

Вспомнила, что забыла вам открыть тайну названия своей книги «Безе ХЗ». Я хочу знать… ХЗ — это «хочу знать». Хочу знать, что меня любят, что я не просто так тут. Хочу знать, что не зря всё вот это пишется или писалось. Что не зря вся жизнь эта и я

не зря…

Не зря всё? Я же не зря?! Вы же меня любите… А вы? За что всё это? Зачем? Чтобы что? Тома хочет знать, что не зря всё… Вы меня любите, хоть немного… Я же не зря? Мама, я не зря? Не зря, папа? Вы же меня все равно любите… Просто так любите за то, что я есть! Правда же, любите меня! Просто кивните, и я пойму… Только не отворачивайтесь, пожалуйста. Я не хочу знать, если зря всё…

Конец

2020 г.